

Греческие монастыри Понта и Россия в Новое время

Л. А. Герд

Для цитирования: Герд Л. А. Греческие монастыри Понта и Россия в Новое время // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 98–113.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.106>

Статья посвящена одному из аспектов восточного вопроса — борьбе России за влияние в восточной части Османской империи в XIX — начале XX века. Области Турции, примыкающие к Кавказу, выступали объектом особого внимания русской внешней политики. Церковная составляющая здесь играла большую роль: сохранение православия и борьба против католического и протестантского прозелитизма являлись важной задачей русских дипломатов. Широко использовался традиционный метод материальной помощи православным монастырям и церквям: начиная с 1735 г. ряд церковных учреждений Востока получал ежегодное денежное пособие. Не менее регулярно монастыри Османской империи добивались разрешения на сбор пожертвований в России, получали в дар ризницы и иконы для церквей. Другим методом в XIX в. стало открытое покровительство православному населению со стороны консулов. В ходе реформ в Османской империи была провозглашена свобода вероисповедания, многие тайные христиане восточных регионов объявили себя православными. Русские дипломаты после Крымской войны выступали посредниками в обращении криптохристиан в православие и содействовали их частичному переселению в Россию. Изучение Трапезунда и его монастырей русскими византистами в конце XIX — начале XX в. также способствовало освоению края: на Понт ездили с научными целями сотрудники Русского археологического института в Константинополе, историки и филологи. Их пребывание в регионе дало не только исследовательские результаты, но и сыграло свою роль в повышении авторитета России среди местного населения, а также косвенным образом способствовало формированию неовизантийской имперской идеологии рубежа XIX и XX столетий. Взаимодействие русского командования с местной иерархией во время оккупации восточной Турции русскими войсками в 1916–1917 гг., а также научная экспедиция Ф. И. Успенского явились завершающей страницей в этой истории. В статье на основании неизвестных архивных материалов исследуются различные пути укрепления русского влияния в восточном Причерноморье посредством церковной политики.

Ключевые слова: восточный вопрос, Османская империя, церковная политика, восточное Причерноморье, дипломатия, православие.

Лора Александровна Герд — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН, Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7; loragerd@gmail.com

Lora A. Gerd — Dr. Sci. (History), Chief Researcher, St. Petersburg Institute of History Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaja ul., St. Petersburg, 197110, Russian Federation; loragerd@gmail.com

Статья подготовлена по гранту РФФИ 19-09-41004 «Россия и Антиохийский патриархат в XVIII — начале XX в.».

The article is financed by a grant of the Russian Fund of Fundamental Research 19-09-41004, “Russia and the Patriarchate of Antioch in the 18th to the beginning of the 20th Century”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

The Greek Monasteries of the Pontus and Russia in Modern Times

L. Gerd

For citation: Gerd L. The Greek Monasteries of the Pontus and Russia in Modern Times. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 1, pp. 98–113.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.106> (In Russian)

The article concentrates on one of the aspects of the Eastern question, the Russian struggle for penetration in the Eastern part of the Ottoman Empire in the 19th and early 20th century. This region of Turkey was an object of special attention for the Russian foreign policy. The ecclesiastical aspect of the Russian influence was of special importance: the preservation of Orthodoxy was an important task of the Russian representatives. The traditional method of material aid for the Orthodox monasteries and churches was widely used. They regularly received permissions for gathering donations in Russia. Another method used in the 19th century was the open support of the Orthodox population by the Russian consuls. During the reforms (Tanzimat) in the Ottoman Empire many secret Christians from the eastern regions proclaimed themselves Orthodox. The Russian diplomats after the Crimean war intermediated the conversion of the Crypto-Christians into Orthodoxy. The study of Trapezund and its monasteries by the Russian Byzantologists at the end of the 19th and beginning of the 20th century also contributed to the penetration into the region. In addition to the explicit scholarly results, their research helped to strengthen the Russian authority among the local population. The relationship and cooperation between the Russian commandment and the local clergy during the Russian occupation in 1916–1917 and the scientific expedition of Feodor Uspenskii were the last page of this history. Based on previously unknown archive sources, the article traces how different means of church policy served to strengthen the Russian influence in Eastern Turkey.

Keywords: Eastern question, Ottoman Empire, church policy, Eastern Pontus, diplomacy, Orthodoxy.

В научной литературе неоднократно поднимался вопрос о характере материальной помощи, которая на протяжении нескольких столетий оказывалась русским правительством церквям и монастырям православного Востока. Были ли пожертвования бескорыстным актом благочестия, или они преследовали политические цели? Исследователи склоняются к мысли, что до середины XVII в. русские цари оказывали щедрую помощь просителям, приходившим в Москву с реликвиями и иконами в качестве подношений, и тем самым укрепляли авторитет Российского государства как преемника и наследницы Византийской империи¹. С начала непосредственных столкновений России с Османской империей (конец XVII в.) и особенно с возникновением и развитием так называемого восточного вопроса в конце XVIII — первой половине XIX в. материальная помощь все более приобретала характер политического инструмента.

¹ Кантерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914; Флоря Б. Н. К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 8–42; Ченцова В. Г. Икона Иверской Богоматери (Очерки истории отношений Греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2010; Чеснокова Н. П. Христианский восток и Россия. Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века. М., 2011.

В допетровскую эпоху, несмотря на существование росписи выдачи средств разным категориям просителей, денежный поток на Восток контролировался слабо. В XVIII в., когда приоритетом внешней политики России становится европейское направление, поддержка восточного христианства отходит на второй план и значительно сокращается. В этот период материальная помощь Востоку регламентируется корпусом документов, сформированных в 1735 г. и получивших название «палестинские штаты». Был составлен список важнейших монастырей Османской империи, в него входили также четыре патриархата православного Востока — Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский и Александрийский. Каждые 5 лет они получали определенную сумму денег, до конца XVIII в. выдававшихся специально делегированным представителям. С начала XIX в. деньги пересылались банковскими транзакциями при посредничестве русского посольства в Константинополе.

Среди церковных учреждений, перечисленных в «палестинских штатах», значился понтийский монастырь Св. Иоанна Предтечи Вазелон (Константинопольского патриархата), который получал 35 рублей ежегодно². При пересмотре размеров пожертвований в 1816 г. эта сумма была увеличена до 50 рублей, что нашло подтверждение в 1830 г., после окончания Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и заключения Адрианопольского мира. На протяжении XIX в. деньги отправлялись регулярно, о чем свидетельствуют многочисленные отчеты в архиве Св. Синода.

После 1830 г. Россия выступает активным участником борьбы между великими державами за сферы влияния в Османской империи — борьбы, названной «восточным вопросом»³. Восточная Турция, примыкающая к российским кавказским границам, представляла особый интерес для русской политики и рассматривалась в качестве возможной будущей русской территории. Как и в других областях Турции, русская политика здесь опиралась на контакты с местным православным населением. Материальная и дипломатическая помощь в регионе Понта сопровождалась миграцией населения: обычно понтийские греки приходили в Закавказье на заработки в качестве каменщиков. Во время своего пребывания в России они нередко принимали российское подданство, а по возвращении на родину пользовались покровительством российского консульства в Трапезунде. В XVII в. значительная часть греческого и грузинского населения прикавказских областей была исламизирована. Возвращение его в православие рассматривалось как одна из главных целей русской политики и залог укрепления русского влияния. Неудивительно, что строители из османского Понта, находясь на заработках в России, нередко вспоминали о своих христианских корнях и возвращались православными.

Церковные контакты Понта с Кавказом в XIX в. восходят ко времени Русско-турецких войн начала столетия и греческой революции 1821 г. Именно тогда, в 1820-х гг., спасаясь от преследований османских властей, архимандрит Сумелийского монастыря близ Трапезунда Иоанникий, захватив с собой мощи Св. Хри-

² О палестинском штате // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 16. Д. 354. Л. 1-165.

³ Из обширной литературы, посвященной восточному вопросу, укажем следующие источники: Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М., 1896; Anderson M. S. The Eastern Question, 1774–1923. A Study of International Relations. London; Melbourne; Toronto, 1966; Чихачев П. А. Великие державы и восточный вопрос. М., 1970.

стофора, укрылся в крепости Сухум-кале. После его кончины в 1825 г. иеромонах Пахомий принес ковчежец с мощами в греческий монастырь Св. Георгия в Балаклаву. Имя святого, которому принадлежали реликвии, было в России с течением времени забыто, однако память об этом перенесении сохранялась сумелийскими монахами. В начале 1839 г. игумен Паисий обратился через российское посольство в Константинополе с прошением о возвращении мощей. Настоятель Балаклавского монастыря архимандрит Агафангел не возражал, тем более что по своей анонимности мощи не могли принести обители дохода⁴.

Церковные контакты с Понтом в первой половине XIX в. Контакты России с христианами Османской империи становятся более интенсивными в 1840-х гг., что обуславливается новой политикой в отношении православного Востока. Именно тогда глава министерства иностранных дел канцлер К. В. Нессельроде разрабатывает проект основания русской миссии в Иерусалиме и решает командировать на Восток ученого архимандрита Порфирия Успенского⁵. Уже во время своего первого путешествия в 1843–1844 гг. Порфирий организует помощь Амидской епархии в Малой Азии⁶. По прибытии в Иерусалим он обращает внимание на присутствие там понтийских христиан: «Монастырь Св. Димитрия (в Иерусалиме) составлен из разных прикупленных домиков и потому келлии разбросаны в нем там-сям, вкривь и вкось. В нем могут поместиться 300 поклонников. Его занимают обыкновенно анатолийские греки и лазы трапезундские»⁷. Представления в МИД и Св. Синод, сделанные Порфирием, были первым источником достоверной информации о состоянии православия в Турции, а его ходатайства нередко имели следствием оказание дипломатической и материальной помощи.

Приблизительно в то же время (в 1843 г.) игумен монастыря Св. Георгия Хутура в Гюмюшхане (греческий Аргируполис Халдейской епархии) Серафим обратился с просьбой о разрешении сбора пожертвований в Грузии для оплаты долгов обители, пострадавшей от разорения. Со стороны российских властей высказывались сомнения в успехе подобного мероприятия и даже в том, что издержки пребывания сборщиков в России могут быть покрыты, ввиду бедности местных жителей; тем

⁴ Выписка из определения Св. Синода от 16/20 октября 1839 г. № 133 // РГИА. Ф. 797. Оп. 9. 2 отд. 2 ст. Д. 25633. Л. 3–5.

⁵ О задачах архимандрита Порфирия и первой Русской духовной миссии в Иерусалиме см.: Лисовой Н. Н.: 1) Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле в XIX — начале XX в. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. / под ред. Н. Н. Лисового. М., 2000. Т. 1. С. 17–20; 2) Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006. С. 71–101. — Публикации документов см.: Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского) / под ред. П. В. Безобразова. Т. I.: Официальные документы; Т. II: Переписка. СПб., 1910; Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 7–51; Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. М., 2017. Т. 2. С. 7–104. — Там же можно ознакомиться с библиографией по теме.

⁶ См. его публикацию: *Архимандрит Порфирий*. Сказание о православной Амидской митрополии в Месопотамии // Духовная беседа. 1863. Т. 19, № 37. С. 1–15. — Архивные материалы по этому вопросу см.: Воззвания Амидийского митрополита Макария 1855 г. // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 113; «Слово и дело о престоле православной митрополии Амидийской в Месопотамии 1852 г.» // Там же. Д. 151. Л. 23–28; История Амидской епархии // Там же. Д. 41. Л. 19–21.

⁷ *Порфирий Успенский*. Книга бытия моего: в VIII т. Т. II. СПб., 1895. С. 326 (запись от 29 июля 1844 г.).

не менее в 1845 г. разрешение сроком на один год было дано⁸. В ходе сбора вместо скончавшегося архимандрита Серафима был делегирован архимандрит Паисий. В 1847 г. он жаловался на то, что пожертвования поступали почти исключительно от жителей Тифлиса, да и те были не столь значительны ввиду преобладания армянского населения в городе. Что касается других областей Грузии, то в них надежды собрать что-либо вовсе не было, поэтому архимандрит просил разрешения вернуться на родину не тем же путем, а через южнорусские города Ставрополь, Новороссийск, Таганрог и Одессу, в которых проживало много богатых греческих купцов, однако получил отказ. В результате в течение года архимандритом Паисием было собрано пожертвований в пользу Георгиевского монастыря 3240 руб. 81 коп. серебром и 170 баранов. Из этой суммы, по показанию Паисия, им было употреблено в расход на содержание 992 руб. 60 коп. серебром⁹.

Новая просьба о сборе пожертвований поступила от Феодосиопольского (Эрзерумского) митрополита Феодосия, который аргументировал ее как отдаленностью и бедностью, так и тем, что большинство православных его епархии после Адрианопольского мира переселились на территорию России. Остальные же христиане были в основном армянами¹⁰. В 1851 г. Синод издал разрешение на приезд в Россию духовного лица — представителя митрополита; был делегирован священник Димитрий в сопровождении одного прислужника. Впоследствии сбор был продлен еще на один год. За два года сбора пожертвований митрополиту Тимофею было отослано 1253 руб. 80 коп. серебром.

Россия и христиане восточной Турции в 1850–1860-х гг. Деятельность консула А. Н. Мошнина. Крымская война 1853–1856 гг. сыграла решающую роль в истории отношений России и православного Востока. На Балканах и Ближнем Востоке поражение России привело к падению ее авторитета в среде восточных христиан и постепенному расширению британского и французского влияния. Издание хатт-и-хумаюна (султанского указа) 1856 г., согласно которому христиане приравнивались в правах к мусульманам, имело следствием подъем национального самосознания в среде различных христианских народов Турции, стремительное развитие национализма как на Балканах, так и в среде арабского населения, а также стремление к самостоятельности — в отношении как Османской империи, так и Константинопольского патриархата. Нарастание национализма славян и арабов столкнулось с подъемом греческой национальной идеи (*греч.* Μεγάλη ιδέα — великая идея), целью которой являлось объединение всех исторических греческих земель в одно государство¹¹.

Все эти бурные течения в силу разных причин имели мало влияния на восточное Причерноморье. В восточной части Турции, напротив, русское влияние только возросло и контакты с Россией стали еще более тесными. Греческое, армянское и грузинское население прикавказских областей укрепились в своих надеждах на

⁸ Выписка из определения Св. Синода от 7/28 ноября 1845 года // РГИА. Ф. 797. Оп. 15. 2 отд. Д. 36300. Л. 7–8 об.

⁹ Выписка из определения Св. Синода 9/22 марта 1848 г. Там же. Л. 41–42.

¹⁰ Л. Сенявин — Н. А. Протасову. 14 декабря 1850 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 20. 1850 г. 2 отд. 2 ст. Д. 45052. Л. 1–3.

¹¹ См.: Герд Л. А. Константинополь и Петербург. Церковная политика России на православном востоке (1878–1898). М., 2006. С. 36–41; Петрунина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010.

скорейшее присоединение данных территорий к Российской империи. Западноевропейское присутствие в регионе осуществлялось другими способами, преимущественно через католических и протестантских миссионеров; однако преобладание русского влияния во второй половине 1850-х гг. было очевидным¹².

Весьма удачной с этой точки зрения оказалась деятельность консула в Трапезунде Александра Николаевича Мошнина. Будучи глубоко убежденным в том, что присоединение данной области к России — дело близкого будущего, он видел свою задачу в подготовке благоприятной почвы для этого. В 1857 г. началось строительство новой греческой церкви в Трапезунде. Хотя оно осуществлялось средствами местных православных при попечительстве греческого консула в Трапезунде, Мошнин счел необходимым проявить инициативу и выхлопотать у Св. Синода ежегодное пособие в 50 рублей и единовременное пожертвование в 1000 рублей для новопостроенной церкви. Его ходатайства не остались без ответа: российский Синод выделил 300 рублей¹³.

Наибольший успех имело посредничество Мошнина в деле обращения 16 тыс. греков-мусульман в православие. Эта группа населения обитала в области Кром в окрестностях Гюмюшхане; отсюда все принявшие ислам греки восточного Причерноморья получили название «кромлиды», или «кромли». Некоторые из них были тайными христианами, другие слились с турецким населением и отличались от них только тем, что наряду с мусульманским именем получали христианское. Хатт-и-хумаюн внушил им надежду на то, что они могут свободно исповедовать православную веру, и большое число семей открыто объявили о своем присоединении к христианству¹⁴. Русский посол в Константинополе А. П. Бутенев советовал Мошнину привлечь к защите кромлидов перед османскими властями консулов других европейских держав. Мошнин, однако, отверг эту идею и предпочел действовать самостоятельно, в союзе с трапезундским митрополитом Константином. Трудно было, по его мнению, ожидать в этом поддержки от представителей католических держав, особенно учитывая их усиленную пропаганду в среде армянского населения¹⁵.

В своих донесениях Мошнин рассказывает истории таких семей. Сулейман Майрамов, уроженец Трапезунда, в течение ряда лет был на заработках в России, где он перешел в российское подданство и принял православие. По возвращении на родину он открыто исповедал свою веру и подвергся нападению фанатично настроенных мусульман. Израненный Сулейман нашел убежище в здании российского консульства, а Мошнин потребовал от вали наказания виновных. Через несколько дней произошла стычка сына Сулеймана, Хараламба, с мусульманами;

¹² О Танзимате (реформах в Османской империи), его влиянии на жизнь христиан Понта и участии западных дипломатов в судьбе криптохристиан см.: *Φωτιάδης Κ.* Οι εξισλαμισμοί της Μικράς Ασίας και οι круптохристиανοί του Πόντου. Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 349–407.

¹³ Выписка из определения Св. Синода 18 ноября / 1 декабря 1857 года // РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 401. Л. 4–4об.

¹⁴ Первые документы относятся к маю 1856 г. Это донесения греческого вице-консула в Трапезунде К. Киприотиса (15/27 мая 1856 г.). См.: *Πηγές της ιστορίας του крупτοхристиανικού προβλήματος / εκδ. Κ. Φωτιάδης.* Θεσσαλονίκη, 1997. Σ. 69–70; *Παρχαρίδης Ι.* Ιστορία της Κρώμνης. Τραπεζούντα, 1911; *Φωτιάδης Κ.* Οι εξισλαμισμοί της Μικράς Ασίας και οι круптохристиανοί του Πόντου. Θεσσαλονίκη, 1993.

¹⁵ Докладная записка А. Н. Мошнина по делу о присоединении 16 тысяч кромли к православию. 14 июня 1859 г. Копия // РГИА. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 341. Л. 4–15 об.

один из мусульман был убит, что привело к дополнительным осложнениям. Мошнин требовал справедливого беспристрастного суда как над Хараламбом, так и над напавшими на него мусульманами. Второй случай, о котором повествует Мошнин, касается дела укрывшейся в здании консульства гречанки, которая была похищена у своего мужа неким мусульманином и насильственно обращена в ислам¹⁶. В другом донесении (от 1861 г.) Мошнин рассказывает еще два случая обращения мусульман при его содействии. Первый касался мужчины, которому он после крещения помог уехать в Молдавию. Второй — девушки из селения Платамон, которая бежала от своего отца и пришла к Мошнину с просьбой о крещении, мотивируя свой поступок тем, что ее мать-гречанка в молодости была христианкой. Консул обещал ей содействие перед пашой; наконец, в полном меджлисе она отреклась от мусульманской веры. Мошнин устроил ее крещение с именем София в доме одного грека. Девушка просила также помочь ей с переездом в Грузию¹⁷.

Важной демонстрацией поддержки православия Мошнин считал установление креста и колоколов на митрополичьей церкви. Традиция колокольного звона, почти не знакомая в Византии и заимствованная греческим миром из Италии, во второй половине XIX в. получила распространение среди османских христиан. Колокольный звон расценивался как завоевание христианами определенных позиций по отношению к мусульманской власти. Мошнину удалось убедить робкого митрополита Константия повесить колокол.

Реакция фанатично настроенных мусульман и поддерживавших их властей на обращение кромли не заставила себя ждать: оно было расценено не как исповедание своей веры, а как измена исламу. Сотни человек были брошены в тюрьмы, многие умерли от голода и тифа; в Керасунде заптие (жандармы) ворвались в церковь во время богослужения. Часть кромлидов бежала в Россию и поселилась в районе города Поты. Попытка константинопольских властей урегулировать ситуацию выразилась в том, что значительная часть мужского населения была рекрутирована в солдаты. К середине 1859 г. гонения стихли. Несмотря на репрессии, по сообщению Мошнина, 16 тыс. кромлидов были официально признаны православными, и Порте не осталось ничего другого, как поддержать православные училища в Трапезунде и Гюмюшхане¹⁸.

Успех присоединения кромли поощрил Мошнина составить проект обращения в православие жителей еще одной прикавказской области — лазов¹⁹. «Лазистанский пашалык действительно населен племенем совершенно другим, чем турки, греки или армяне. Это лазы, коих обычаи и характер совершенно сходны с обычаями и характером гурийцев. Самая местность Лазистана — совершенная Гурия, от которой он отделяется небольшой рекой. Значительная часть его жителей аджарцы и втайне, подобно кромли, исповедуют христианскую веру», — писал он. В связи с этим он начал хлопотать об учреждении русской церкви в Батуме, что он считал актом более важным, чем возведение русской церкви в Трапезунде. Представ-

¹⁶ Докладная записка А. Н. Мошнина по делу о присоединении 16 тысяч кромли к православию.

¹⁷ А. Н. Мошнин — С. Н. Урусову. 17 апреля 1863 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 31. 2 отд. 2 ст. Д. 311. Л. 21–21 об.

¹⁸ Там же. — См. также: Благодарственное письмо митрополита Константия Св. Синоду от 10 мая 1859 г. // Там же. Л. 21–22.

¹⁹ Донесение консула в Трапезунде А. Н. Мошнина — Е. П. Ковалевскому. 10 августа 1861 г. Копия // РГИА. Ф. 797. Оп. 31 (1861 г.). 2 отд. 2 ст. Д. 311. Л. 2–5.

ление Мошнина было одобрено митрополитом Санкт-Петербургским Исидором, для которого немаловажным фактом явилось присутствие тайных христиан в селении Кобулет и посещение ими заброшенных христианских церквей в горных областях: жители узнавали у христиан о церковных праздниках и зажигали свечи у стен этих храмов²⁰. В 1862 г. Мошнин совершил поездку в Тифлис к великому князю Михаилу Николаевичу. По пути он посетил православную церковь в Батуме, пожертвовал для нее колокол, а по возвращении в Трапезунд написал детальный отчет, сопроводив его своими соображениями относительно перспектив развития Батума как черноморского порта²¹. Массового присоединения аджарцев к православию, правда, в те годы не произошло, а постепенный переход части их в христианство совершился уже позднее, после присоединения Аджарии к России в 1878 г.

Посредничество в деле присоединения кромли принесло Мошнину известность: он был приглашен в Петербург и удостоился аудиенции у императрицы Марии Александровны. Она пожертвовала в митрополичью церковь Трапезунда ризницу, которая в начале 1862 г. была получена консулом в Константинополе и лично привезена им в Трапезунд. При торжественном получении ризницы в городе была отслужена литургия на церковнославянском языке. Кроме того, Мошнин добился от митрополита Константия позволения совершать литургию на этом языке в одной из церквей города раз в две недели, а позже ходатайствовал о награждении Константия русским орденом²².

Кажется удивительным, но не пройдет и года, как митрополит Константиий отправит в Петербург пространную жалобу на Мошнина, обвиняя его в том, что он нисколько не поддерживает православных Понта, а, напротив, вредит им²³. Мошнин будет вынужден защищаться: он пишет пространное оправдательное письмо директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову, из которого выясняется, что клевета митрополита имела совершенно конкретный повод. Приблизительно в то же время Мошнину удалось открыть и придать огласке факты контрабандной торговли оружием из османского Понта на Кавказ. «Контрабанда, в которой участвовали гласно и негласно многие здешние купцы, была открыта внезапно и в ней уличены многие греки. В Трапезонде много кто участвует в контрабанде: ей занимается английский консул Стивенс, ей промышляет бельгийский консул Арно, в ней участвуют всегда турецкие власти (лучшее доказательство этому экспедиция Кангару, порох в Керасонде и, наконец, последние замыслы Мехмед-Али Паши на черкесов). В этой же торговле участвуют ионические купцы Корджалены и Касфики; ею же всегда занимался дом Константииниди в Керасонде, пока, наконец, не попался»²⁴. Хараламбос Константиинидис (русский подданный) в течение нескольких дней содержался Мошниным на русском военном корабле; потом был выпущен, а оказавшись на свободе, начал интриговать против консула, в первую очередь при посредничестве митрополита, который находился в финансовой за-

²⁰ Исидор, митрополит СПб и Новгородский — С. Н. Урусову. 9 сентября 1861 г. // Там же. Л. 9–10.

²¹ А. Н. Мошнин — С. Н. Урусову. 17 апреля 1863 г. Оригинал // Там же. Л. 21–21 об.

²² А. Н. Мошнин — С. Н. Урусову. Пера, 1/13 мая 1862. Оригинал // РГИА. Ф. 797. Оп. 32. 2. Д. 119. Л. 5–6 об.

²³ Перевод письма митрополита Трапезундского Константия в Св. Синод // Там же. Л. 1–3.

²⁴ А. Н. Мошнин — П. Н. Стремоухову. 28 июня 1862 г. Копия // Там же. Л. 13–18 об.

висимости от него. Разумеется, жалоба митрополита Константия была оставлена в российском МИД без последствий.

Завершая разговор о деятельности Мошнина, отметим, что он предоставлял российскому МИД детальную статистическую информацию о состоянии трапезундской епархии: так, в 1865 г. он отослал список церквей Трапезунда с суммами, которые каждая из них жертвовала на греческое училище²⁵.

Гонения на христиан в восточной Турции привели к новой волне их выселения на территорию Российской империи в 1850–1860-х гг. В 1864-м жители нескольких деревень переселились вместе со своими священниками на Кавказ без всяких документов и продолжали жить привычным укладом. Ко второй половине 1860-х встал вопрос о правомочности священников совершать богослужение и требы, не имея при себе ставленнических грамот. 3 июля 1870 г., исходя из норм канонического права, Синод издал указ о запрещении греческим священникам совершения треб. Митрополит Кавказский Феофилакт стал добиваться исполнения этого указа, предлагая взамен приглашать греческих священников из других причерноморских областей, имеющих необходимые грамоты. Подобное запрещение вызвало протесты греческих переселенцев. Конфликтная ситуация разрешилась вмешательством кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича, который объяснил нелепость требования: греческие священники пользуются большим авторитетом среди своей паствы и никаких сомнений в законности их рукоположения не может возникнуть. Кроме того, переселенцы живут в труднодоступных областях, куда в случае необходимости срочных крестин или отпевания покойников приглашенный священник не может скоро доехать²⁶. В результате указ Синода был отменен²⁷.

К началу 1880-х гг. участилась другая практика. Сыновья священников, получив отказ в рукоположении у российских архиереев, отправлялись за рукоположением на родину, затем возвращались в Россию и тоже, по примеру своих отцов, начинали совершать священнодействия в среде своих соотечественников. Теперь уже российские власти были менее снисходительны: был издан указ, требовавший от сыновей священников проходить перед рукоположением обучение в русских духовных семинариях, подобно сыновьям русских священников²⁸.

Нередко беженцы из восточной Турции и Персии занимались попрошайничеством и неофициальным сбором пожертвований как для себя, так и на церкви своей родины. Во второй половине XIX в. такие случаи участились. Во избежание злоупотреблений русские власти издавали многократно повторяющиеся запреты на сборы пожертвований без специального дозволения Св. Синода, а с 1873 г. секретарям духовных консисторий было предписано сообщать в Синод о появлении в их епархиях духовных лиц из-за границы. Подобные попытки сбора денег строго пресекались властями. В октябре 1878 г. к архиепископу Донскому и Черкасскому обратился священник из греков Симон Дилаго с просьбой о разрешении сбора по-

²⁵ Донесение ген. консула в Трапезунде Мошнина от 4 декабря 1865 г. На бланке с тиснением. Оригинал // РГИА. Ф. 797. Оп. 36. 1866 г. 2 отд. 3 ст. Д. 1. Л. 2–3 об.

²⁶ В<еликий> к<нязь> Михаил Николаевич — Д. А. Толстому. 27 июня 1871 г. Боржоми // РГИА. Ф. 797. Оп. 41 (1871 г.) 2 отд. 3 ст. Д. 147. Л. 1–3 об.

²⁷ Выписка из определения Св. Синода от 13/29 августа 1871 г. // Там же. Л. 5–9.

²⁸ По определению Св. Синода о греческих священниках, поселившихся в Кавказской епархии, рукоположенных в этот сан греческими епископами // РГИА. Ф. 797. Оп. 51 (1881 г.). Д. 378.

жертвований на свою семью из 10 человек и, разумеется, получил отказ²⁹. Бывали и другие случаи. Иеромонах Константин Кладинос из Трапезундской епархии, несмотря на запрет, в течение ряда лет пытался собирать пожертвования в России — сначала в Петербурге, а затем в Пермской губернии³⁰. После присоединения Карсской области к России в 1878 г. местные греки продолжали сохранять связи с Эрзерумским митрополитом и, вероятно, материально поддерживать его: в 1883 г. митрополит Паисий получил разрешение на посещение Карса для решения финансовых вопросов³¹. Многочисленными в конце XIX и начале XX в. были случаи посещения священниками из турецких областей своих родственников, проживавших на территории России. Хотя каждый раз на это требовалось разрешение Синода, русские власти не препятствовали подобным поездкам.

Помощь монастырям Понта в 1880–1910-х гг. Присоединение Батума и Карсской области к России в результате войны 1877–1878 гг. явилось следующим шагом в постепенном продвижении России вглубь восточной Турции, что создало благоприятную почву для дальнейшего идеологического проникновения в Османскую империю. Наибольшее внимание уделялось главному греческому монастырю области — Богородицы Сумела. В начале 1888 г. игумен Парфений обращается к Синоду с официальной просьбой о разрешении сбора пожертвований среди южнорусских греков, с принесением чтимой иконы Богородицы и мощей. В начале 1889 г. разрешение было дано. Указом Св. Синода «в виду того, что упомянутая обитель, имеющая значение главной опоры христианства в крае, много способствует духовному развитию местного населения учреждением и содержанием на свои средства сельских училищ, а равно духовного училища для образования священников, и находится в бедственном состоянии по случаю лежащих на ней долгов» разрешалось распространение сбора пожертвований не только в среде греков, но вообще всех жителей южной России. Немногим позже дозволение было распространено на всю территорию Российской империи³². В начале 1890 г. сборщики получили продление разрешения на второй год, а в начале 1891 г. — на третий.

Успех сумелийских сборщиков придал решительности монахам других понтийских монастырей; однако их миссии не всегда были столь же успешными. В ноябре 1893 г. в Крым прибыл иеромонах Вазелонского монастыря Св. Иоанна Предтечи Никодим. Поскольку разрешения Св. Синода у него не было, священные предметы у Никодима изъяла полиция, а его ходатайство о возвращении предметов оставили без последствий³³. В 1895 г. последовало запрещение сборщикам милостыни

²⁹ Рапорт секретаря Донской духовной консистории // Там же. Оп. 48 (1878 г.). Д. 18. Л. 20–20 об.

³⁰ По циркулярному предписанию секретарям духовных консисторий о доставлении сведений о пребывающих в империи лицах православного духовенства, принадлежащих к иностранному подданству // РГИА. Ф. 797. Оп. 45. 2 отд. 3 ст. Д. 9. Л. 83.

³¹ По отношению преосвященного экзарха Грузии о разрешении Эрзерумскому греческому митрополиту Паисию прибыть в Карс по делам переселенцев // РГИА. Ф. 797. Оп. 53 (1883 г.). 2 отд. 3 ст. Д. 320.

³² Выписка из определения Св. Синода от 18/27 января 1889 г. за № 81 // Там же. Оп. 58 (1888 г.). Д. 66. Л. 9–12.

³³ «...ни при переездах сборщиков с одного места на другое, по водяным путям, равно и по сухопутным — железным и другим дорогам, ни при остановках в гостиницах, на постоянных дворах и в частных домах не представляется необходимых удобств хранить святыни с подобающей им честью и благоприличием и оберегать их от разных нежелательных случайностей, достоинству их

в пользу восточных монастырей приносить с собой в Россию какие-либо священные предметы³⁴. Указ нанес сокрушительный удар по любым сборам: монахи, совершавшие требы в российских городах и селах, без мощей и чудотворных икон, не могли рассчитывать на успех.

В 1902 г. Сумелийский монастырь опять получил разрешение на сбор пожертвований в России, на сей раз без принесения святынь³⁵. В 1912 г. новое разрешение собирать пожертвования сумелийские монахи получили сроком на год³⁶. В 1897 и 1898 гг. понтийский монастырь Св. Георгия Перистера имел разрешение на сбор пожертвований; в 1913 г. такое разрешение было ему снова дано³⁷.

Трапезунд и его монастыри в трудах русских византинистов. К 1880–1890-м гг. относится открытие Трапезунда и исторической области Трапезундской империи русскими византинистами. Помимо несомненного научного значения (описание рукописей, архитектуры, фресок и икон), которое имели поездки исследователей, они сыграли большую роль в плане привлечения внимания русского правительства и общественности к православным учреждениям восточной Турции, к их истории и значению в истории христианской культуры. Не следует забывать также о том, что именно в 1880-х гг. русская византистика впервые оформилась в самостоятельную отрасль знаний, сформировалась русская школа византийских исследований, органично влившись в общую имперскую неовизантийскую идеологию эпохи Александра III.

Первопроходцем в этом деле был греческий (впоследствии русский) византист А. И. Пападопуло-Керамевс. В 1884 г., будучи секретарем Греческого филологического общества в Константинополе, он посетил Понт и впервые составил каталоги рукописей Трапезунда и монастырских библиотек Сумела и Вазелона. Труд много лет лежал в рукописи; в 1909 г. он был предложен для издания в «Византийском временнике», однако увидел свет лишь в 1912 г. (каталоги рукописей Трапезунда и Сумелийского монастыря) и в 1995 г. (каталог рукописей Вазелонского монастыря Св. Иоанна Предтечи)³⁸. Керамевс описал 40 кодексов монастыря, обращая особое внимание на один из них, содержащий грамоты царей Петра I и Александра I. Из Вазелонского монастыря он вывез сборник документов, ценный источник по хозяйственной истории обители эпохи турецкого владычества. Эта рукопись, которая после смерти Керамевса поступила в Императорскую публич-

несоответствующих и оскорбляющих благочестивое чувство верующих. В предотвращение сего на будущее время Святейший Синод определяет: не позволять впредь приезжающим из-за границы сборщикам иметь при себе святыне, иконы, кресты и другие святыни» (Выписка из определения Св. Синода от 28 апреля / 15 мая 1895 г. за № 1184 // РГИА. Ф. 797. Оп. 65. 1895 г. Д. 147. Л. 3–3 об.).

³⁴ Выписка из определения Св. Синода от 6 февраля / 23 марта 1895 года за № 384 // Там же. Д. 153. Л. 1–2.

³⁵ Выписка из определения Св. Синода от 17 июля / 2 августа 1902 г. за № 3227 // РГИА. Оп. 72 (1902) 2 отд. 3 ст. Д. 12. Л. 49–50 об.

³⁶ Выписка из определения Св. Синода от 20 декабря 1911 г. / 8 января 1912 г. за № 10291 // РГИА. Ф. 797. Оп. 82. 2 отд. 3 ст. 1912 г. Д. 32. Л. 1–1 об.

³⁷ По ходатайству настоятеля ставропигиального монастыря Св. Георгия Перистера в Трапезунде об оказании пособия названному монастырю // РГИА Ф. 797. Оп. 82. 2 отд. 3 ст. Д. 385.

³⁸ *Медведев И. П.* Неизвестный каталог греческих рукописей Вазелонского монастыря, составленный А. И. Пападопуло-Керамевсом // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 430–444.

ную библиотеку (1915 г.), является единственной сохранившейся до настоящего времени рукописью монастыря³⁹.

После открытия Русского археологического института в Константинополе в 1894 г. одной из первых экспедиций, предпринятых его директором Ф. И. Успенским, явилась поездка в Трапезунд (1895 г.). Результаты поездки, во время которой Успенскому и его спутникам удалось лишь вкратце ознакомиться с византийскими памятниками города, были опубликованы в «Известиях» института в 1896 г.⁴⁰ Следует отметить, что новое разрешение на сбор пожертвований в России было дано сумелийскому игумену в 1895 г. как раз благодаря представлению, сделанному Успенским русскому послу в Константинополе А. И. Нелидову.

Летом 1897 г. в Трапезунд прибыл профессор Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский. Помимо литургических рукописей, которые составляли первостепенный интерес его исследований, в монастырях восточного Причерноморья он открыл многие другие ранее неизвестные тексты. Важнейшей находкой Дмитриевского в Сумелийском монастыре явилось описание путешествия Арсения Елассонского, архиепископа Суздальского, который сопровождал патриарха Иеремию II в Россию в 1586 и 1588 гг. Рукопись содержит «Воспоминания о русской истории» и жизнеописание архиепископа Арсения⁴¹.

Русские в Трапезунде в 1916–1917 гг. В начале 1916 г. русские войска совершили успешный поход в области восточной Турции. Трапезунд был взят 5 апреля 1916 г. Участник событий Е. В. Масловский в своих воспоминаниях описывает вход российских войск под командованием генерала Н. Н. Юденича. Турки на тот момент покинули Трапезунд, а греческое население приветствовало прибытие русских. «Забрасываемые цветами, под шумные выражения восторга греческого и армянского населения, генерал Юденич, сопровождаемый генералами Томиловым и Ляховым и полковниками Масловским и Драценко, направился по узким улицам города пешком в православный греческий собор, где греческий митрополит в сопровождении двенадцати священников совершил молебствие о здравии Государа Императора, о даровании окончательной победы русским войскам и освобождении христианского населения из-под турецкого владычества»⁴².

Другой очевидец событий, протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский, также оставил подробное (и более реалистичное) описание своего пребывания на Кавказском фронте и в Трапезунде. Русская армия прибыла в восточную Турцию после армянского геноцида 1915 г. Армян в городах, в том числе в Трапезунде, почти не было. Зато греческое население осталось почти нетронутым. В Эрзинджане отец Георгий встретил греческого священника, который напомнил ему скорее нищего,

³⁹ Научное издание кодекса было осуществлено позднее: Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н. Вазелонские акты. Материалы для истории монастырского и церковного землевладения в Византии VIII–XV веков. Л., 1927.

⁴⁰ Известия Русского Археологического института в Константинополе. 1896. Т. 1. С. 25–29.

⁴¹ Местонахождение рукописи неизвестно, поэтому список, сделанный по заказу А. А. Дмитриевского, имеет значение первоисточника (РНБ Ф. 253. Оп. 1. Д. 280). Текст опубликован в переводе на русский язык: Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря (с фототипическим портретом (иконой) архиепископа и его факсимиле на русском языке). Киев, 1899. См. также издание греческого текста по списку А. А. Дмитриевского: Δημητράκοπουλος Φ. Αρσένιος Ελασσόνος (1550–1626). Βίος, έργο, απομνημονεύματα: Συμβολή στη μελέτη των μεταβυζαντινών λογίων της Ανατολής. Αθήνα, 2007.

⁴² Масловский Е. В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. М., 2015. С. 318–319.

чем пастыря: «Грязный, нечесаный, в рваной одежде и каких-то жалких опорках на босу ногу он производил самое тяжелое впечатление»⁴³. Трапезунд ему понравился больше. После занятия города русские власти начали сразу перекраивать город. «Я застал строительную горячку, — писал отец Георгий. — Уже срывали дома, окружавшие храм Златоглавой Богородицы и разделявали тут площадь... для парадов». Подробно говорит Шавельский о встречах с Трапезундским митрополитом Хрисанфом. Комендант города, военный инженер генерал А. В. Шварц, был в восторге от него, хваля его большой ум, образованность и хорошее отношение к русским. Другие русские командиры высказывались более сдержанно, жаловались на то, что он не выделял церкви для богослужений русским солдатам, не разрешал поминать Российский Св. Синод. Полученное им образование в Германии заставляло подозревать его в особых симпатиях к немцам. Наконец, 18 октября 1916 г. отец Георгий имел личную встречу с митрополитом. «Беседа обнаруживала в нем серьезного богослова и европейски образованного человека. Манера и склад речи свидетельствовали о большом такте, выдержке, осторожности и огромной силе воли. <...> После первой же беседы у меня сложилось твердое убеждение, что в лице его греческая церковь имеет архиерея редкого ума, такта и работоспособности. Я невольно позавидовал греческой церкви. Об его симпатиях или антипатиях к нам, русским, мне трудно было по этой беседе составить определенное представление. Но самый склад натуры митрополита, сухой и деловой, уже возбуждал во мне сомнение: едва ли мы могли завоевать его симпатии. А затем... митрополит был патриот-грек, практик, избиравший наиболее полезное для своего народа и, соответственно этому, действовавший»⁴⁴. Другой митрополит — Кирилл Родопольский — напротив, произвел на Шавельского впечатление «хорошего малого, которого трудно заподозрить в каком-либо коварстве или злонамеренности». Приглядевшись внимательнее к Хрисанфу, отец Георгий сделал вывод, что митрополит, как человек умный и талантливый, пользовавшийся огромным авторитетом среди своей паствы «для нас может быть чрезвычайно полезен». «Но также для меня несомненно стало, что мы не его симпатия, что поэтому за ним надо следить и, поскольку возможно, не роняя его сана и отнюдь не унижая его, держать его в своих руках»⁴⁵.

Занятие русским войсками восточной Турции дало новые возможности для изучения византийских памятников Трапезунда. Этим немедленно воспользовался академик Ф. И. Успенский, проводивший в городе несколько месяцев, с мая по сентябрь 1916 г.⁴⁶ В состав экспедиции, помимо Успенского, входили также искусствовед Ф. И. Шмит и художник Н. К. Клуге. В работах участвовали писатель и биб-

⁴³ Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 189. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/index.html (дата обращения: 01.09.2019).

⁴⁴ Там же. С. 191–192.

⁴⁵ Там же. С. 192.

⁴⁶ Экспедиции Ф. И. Успенского 1916 и 1917 гг. подробно изучены А. Г. Цыпкиной, которая опубликовала ряд статей и архивных источников: Цыпкина А. Г.: 1) Трапезундская научная экспедиция 1916–1917 гг. Новые архивные материалы // Причерноморье в Средние века / под ред. С. П. Карпова. СПб., 2015. С. 212–237; 2) О планах русских археологических исследований на Востоке во время Первой Мировой войны // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2017. № 1. С. 77–89; 3) «Прибыл в Трапезунд на миноносце...» Записная книжка академика Ф. И. Успенского 1916 г. / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. Г. Цыпкиной // Исторический архив. 2017. № 3. С. 158–181; № 4. С. 208–219; 4) Опись материалов Трапезундской экспедиции Ф. И. Успенского (1916–1917) // Византийский Временник.

лиограф С. Р. Минцлов, оставивший дневник пребывания в Трапезунде, археолог Ф. М. Морозов и др. По прибытии в Трапезунд Успенский немедленно принялся за исследование византийских храмов — Св. Софии, Богородицы Златоглавой, Св. Евгения. К сожалению, многие из них были разграблены войсками еще до его прибытия, рукописи и книги валялись на полу, ковры были похищены. Успенский составил план работы, которая во многом носила предварительный характер: необходимо было принять меры к сохранению имущества христианских церквей, главных византийских церквей-мечетей, эллинского училища, метоха Сумелийского монастыря, французской католической школы и составить каталоги. В своих записках Ф. И. Успенский оставил описание многих византийских памятников: впервые открытой им дворцовой церкви, церквей Св. Василия, Св. Анны, Св. Георгия, Архангела Михаила, башни Св. Софии. Летом 1916 г. проводились раскопки в церквях Св. Софии, Богородицы Златоглавой и Св. Евгения. Стены Св. Софии были очищены от штукатурки; открыты полы византийского времени. Успенский мечтал об обращении Св. Софии в монастырь, Богородицы Златоглавой — в русский кафедральный собор, а церковь Св. Евгения — в греческую церковь⁴⁷.

За пределами Трапезунда Успенскому удалось побывать только в монастыре Св. Георгия Перистера (1 сентября 1916 г.), который не повредили ни турецкая, ни русская армии. Библиотеку монастыря Успенский нашел в хорошем порядке, рукописи находились в шкафах: древнейшая из них датировалась X в. Священник говорил по-русски и мог служить по-церковнославянски. Он просил Успенского о месте при русской армии или госпиталях⁴⁸.

Во время трапезундских экспедиций Ф. И. Успенский вывез несколько старинных турецких коранов, которые в конце 1920-х гг. удалось обменять у турецкого правительства на архив, рукописное и археологическое собрания Русского археологического института в Константинополе. Над историей Трапезундской империи Ф. И. Успенский продолжал работать и в 1920-х гг.⁴⁹ Несомненно, благодаря этой работе был подготовлен к изданию сборник актов Вазелонского монастыря по рукописи из собрания А. И. Пападопуло-Керамевса⁵⁰.

Наряду с поставлением патриарха-араба в Антиохийской церкви, русскую церковную политику в восточном Причерноморье можно назвать одним из самых успешных внешнеполитических предприятий на христианском Востоке второй половины XIX — начала XX в. В отличие от Балкан и Восточного Средиземноморья, где русские интересы сталкивались со сложным переплетением амбиций великих держав и национализмом местных народов, христиане прикавказских областей Турции были гораздо более ориентированы на контакты с Россией и готовы к постепенному вовлечению в ее политическую орбиту.

2016. Т. 100. С. 197–212; Захарова А. В., Цыпкина А. Г. Малоизвестные росписи трапезундских храмов по материалам экспедиции Ф. И. Успенского 1916–1917 гг. // Там же. С. 178–196; и др.

⁴⁷ «Прибыл в Трапезунд на миноносце...» Записная книжка академика Ф. И. Успенского 1916 г. // Исторический архив. 2017. № 4. С. 134–135.

⁴⁸ Там же. С. 140–141.

⁴⁹ Итогом этой работы явилась монография: Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929.

⁵⁰ Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н. Вазелонские акты. Материалы для истории монастырского и церковного землевладения в Византии VIII–XV веков. Л., 1927.

References

- Anderson M. S. *The Eastern Question, 1774–1923. A Study of International Relations*. London, Melbourne, Toronto, Mac Millan, 1966, 435 p.
- Chentsova V. G. *The Icon of the Iveron Virgin (Essays on the History of the Relations between the Greek Church and Russia in the mid — 17th Cenutry after the Documents of the Russian State Archives of Ancient Acts*. Moscow, Indrik Publ., 2010, 416 p. (In Russian)
- Chesnokova N. P. *The Christian East and Russia. Political and Cultural interaction in the mid-17th Century*. Moscow, Indrik Publ., 2011, 288 pp. (In Russian)
- Chikhachev P. A. *The Great Powers and the Eastern Question*. Moscow, Nauka Publ., 1970, 224 p. (In Russian)
- Dimitrakopoulos F. *Arsenios Elassonas (1550–1626). His Life, Work, Memoirs. A Contribution to the Studies on the Post-Byzantine Scholars of the East*. Thessaloniki, Kyriakidi Publ., 2007, 475 pp. (In Greek)
- Dmitrievskii A. A. *Archbishop Arsenii Elassonskii and his Memoirs from History after a Manuscript of the Trapezund Sumela Monastery (with a Photypic Portrait (Icon) of the Archbishop and a Facsimile in Russian)*. Kiev, Typ. N. T. Korchak-Novitskiogo Publ., 1899, 234 p. (In Russian)
- Floria B. N. To the History of the Establishing of Political Relations between the Russian Government and the Greek High Clergy (on the Example of the Patriarchate of Constantinople). *Sviazi Rossii s narodami Balkanskogo poluostrova. Pervaia polovina XVII v.* Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 8–42. (In Russian)
- Fotiadias K. *The Islamisation of Asia Minor and the Criptochristians of the Pontus*. Thessaloniki, Kyriakidi Publ., 1993, 717 p. (In Greek)
- Gerd L. A. *Constantinople and Petersburg. The Church Policy of Russia in the Orthodox East (1878–1898)*. Moscow, Indrik Publ., 2006, 448 p. (In Russian)
- Kapterev N. F. *The Character of the Relations between Russia and the Orthodox East in the 16th and 17th Centuries*. Sergiev Posad, M. S. Elov Publ., 1914, 567 p. (In Russian)
- Lisovoi N. N. Russian Spiritual and Political Presence in the Holy Land in the 19th and the Beginning of the 20th Century. *Rossia v Sviatoi Zemle. Dokumenty i Materialy*. Ed. by N. N. Lisovoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2000, pp. 17–20. (In Russian)
- Lisovoi N. N. *Russian Spiritual and Political Presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th and Beginning of the 20th Century*. Moscow, Indrik Publ., 2006, 512 p. (In Russian)
- Maslovskii E. V. *The Great War at the Caucasus Front, 1914–1917*. Moscow, Veche Publ., 2015, 544 p. (In Russian)
- Medvedev I. P. An Unknown Catalogue of Greek Manuscripts from the Vazelon Monastery. Composed by A. I. Papadopoulos-Kerameus. *Arkhiv russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995, pp. 430–444. (In Russian)
- Parharidis I. *The History of Kromni*. Trapezund, Serasi typography, 1911. (In Greek)
- Petrulina O. E. *The Greek Nation and State in the 18th — 20th Centuries*. Moscow, Knizhnyi Dom Universitet Publ., 2010, 744 p. (In Russian)
- Porfirii, Archimandrit. A Story about the Orthodox Metropolis of Amida in Mesopotamia. *Dukhovnaia beseda*, 1863, vol. 19, no. 37, pp. 1–15. (In Russian)
- Shavel'skii G. I. *Memoirs of the Last Chief Priest of the Russian Army and Flee*. Vol. 1. New York, Chekhov Publ., 1954, 414 p. (In Russian)
- Shavel'skii G. I. *Memoirs of the Last Chief Priest of the Russian Army and Flee*. Vol. 2. New York, Chekhov Publ., 1954, 412 pp. (In Russian)
- Tsyapkina A. G. The Trapezund Schintific Expedition in 1916–1917. *Prichernomor'e v Srednie veka*. St. Petersburg, Aletea, 2015, pp. 212–237. (In Russian)
- Tsyapkina A. G. An Inventory of the Materilas of the Trapezund Expedition of F. I. Uspenskii (1916–1917). *Vizantiiskii Vremennik*, 2016, vol. 100, pp. 197–212. (In Russian)
- Tsyapkina A. G. On the Plans of Russian Archeological research in the Orient during the First World War. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia 8, istoriia*. 2017, no. 1, pp. 77–89. (In Russian)
- Uspenskii F. I. *Essays in the History of the Trapezund Empire*. Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1929, 160 pp. (In Russian)

- Zakharova A. V., Tsyapkina A. G. Little Known Frescoes of Trapezund Churches according the Materials of the Expedition of F. I. Uspenskii, 1916–1917. *Vizantiiskii Vremennik*, Moscow, Nauka Publ., 2016, vol. 100, pp. 178–196. (In Russian)
- Zhigarev S. *Russian Policy in the Eastern Question (its History in the 16th — 19th Centuries, Critical Overview and Future tasks)*. *Historical-Juridical Essays*, Moscow, University typography Publ., 1896, 465 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 9 сентября 2019 г.

Рекомендована в печать 10 декабря 2020 г.

Received: September 09, 2019

Accepted: December 10, 2020